

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

**ПЕТЕРБУРГСКОЕ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ**

**St.Petersburg Journal
of Oriental Studies**

**выпуск 4
volume 4**

Центр
"Петербургское Востоковедение"

Санкт-Петербург
1993

В. А. Вельгус

Прошение о помиловании*

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
От з/к Вельгус, Виктора Андреевича,
л/д СЮ. 709; ст. 58-4;
нач. срока 27 апреля 1949 г.
Отбывающего срок в Степлэге МВД,
год рожд. 1922, происхождения рабочего

Мне инкриминировалось участие в антисоветских организациях, выразившееся в том, что 1) я состоял членом "Антикоммунистического комитета", 2) служил в "Русском Полку Шанхайского Волонтерского корпуса" (переименованного впоследствии в "Русский Вспомогательный Отряд при Шанхайской Муниципальной Полиции") и 3) учился в Восточно-Азиатском Институте в г. Тяньцзине.

В Русский Полк Шанхайского Волонтерского Корпуса (далее РПШВК. — *И. Ц.*) я поступил в 1939 году после долгих и безуспешных поисков работы. РПШВК был последним выходом для безработного русского эмигранта. Но для того, чтобы попасть в этот полк, я должен был представить справку из "Эмигрантского бюро", что я там зарегистрирован и действительно являюсь эмигрантом. Надо было заполнить анкету с биографическими данными и сведениями о ежемесячных взносах, которые назывались и взносами, и налогами. Справка не выдавалась при наличии старой задолженности по взносам. Регистрацию в этом Бюро проходили все эмигранты при получении или обмене паспортов, которые выдавались через "Эмигрантское бюро" китайскими местными властями. Таким образом я был впервые зарегистрирован и получил паспорт лично как совершеннолетний эмигрант.

"Шанхайский Волонтерский Корпус" не представлял из себя регулярной воинской части. Европейское гражданское население международной концессии, изъявившее добровольно желание поступить в "Шанхайский Волонтерский Корпус", получало на руки обмундирова-

* Публикация подготовлена И. Э. Циперович на основании материалов следственного дела В. А. Вельгуса.

ние, являясь на строевую подготовку по объявлению (не чаще одного раза в месяц) и имело возможность стрелять на стрельбище. Европейцы, поступившие в этот Корпус, не отрывались от своих занятий и не получали никакого вознаграждения. Часть эта мобилизовалась в случае необходимости обороны международной концессии, в случае стихийного бедствия, для поддержания порядка и т. д.

РПШВК на деле не был полком и состоял из трех рот по девяносто-сто человек рядовых в каждой и из десяти-двенадцати офицеров. История возникновения этого полка такова.

Белогвардейские части, попавшие в Китай, группировками поступали на службу к китайским военачальникам в различных местах. Одна из таких группировок в 20-х годах пробралась в Шанхай на международную концессию, где муниципалитет решил держать ее в качестве своей регулярной воинской части. В отличие от остальных частей "Шанхайского волонтерского корпуса", Русский полк был на полном содержании и получал зарплату от Шанхайского муниципалитета. Мне известно, что в 1935-1937 гг. эта часть несла наружную службу охраны тюрьмы на территории международной концессии. В 1939 году, когда я поступил в эту часть, она охраняла интернированный китайский батальон¹.

Прослужив в РПШВК около года, осенью 1940 г. я поступил учиться в вечерний Технический институт, работая днем на демонтаже разрушенных домов и затем в мастерской по ремонту и монтажу радиоприемников. В конце 1941 г. я оказался без работы. Не сумев устроиться на работу в течение нескольких месяцев, в декабре 1941 г. я опять поступил в эту часть.

К тому времени РПШВК был передан в ведение муниципальной полиции на международной концессии и был переименован в Русский Вспомогательный Отряд при Шанхайской Муниципальной Полиции (далее: РВОШМП. — *И. Ц.*). В его функции входила, помимо охраны интернированного китайского батальона, проверка (на границах с другими концессиями) пропусков на ввозимые продукты питания, металл, строительные материалы, топливо и прочее в целях борьбы со спекуляцией. По-прежнему в часть принимались исключительно лишь русские эмигранты. Бывших белогвардейцев к тому времени в части насчитывался очень небольшой процент. Политические занятия никогда не проводились, и перед частью не ставилась цель вести враждебные действия тогда или когда-либо в будущем против Советского Союза или коммунистов вообще. На это формирование смотрели как на убежище эмигранты, которым не удавалось найти работы, и в то же самое

¹ Речь идет о солдатах китайского батальона, не сдавшихся японским войскам при обороне Шанхая. (Здесь и далее примеч. И. Э. Циперович).

время часть эта была трясинной, затягивавшей тех, кто не пытался всеми силами оттуда вырваться или же пытался, но неудачно.

В продолжении всей моей службы в этой части во второй раз я учился на вечерних курсах китайского языка и литературы при одном китайском учебном заведении. Если бы я имел средства на жизнь и мои родители не нуждались бы в моей помощи, то я, конечно, не служил бы в РПШВК или в РВОШМП, куда я оба раза был загнан безработицей, а также, возможно, мог бы избежать регистрации в Эмигрантском бюро.

Весной 1943 г. я бросил служить в РВОШМП и уехал в г. Циндао, где, как мне писали, жизнь во всех отношениях была привлекательней, чем в Шанхае, и, главное, было легче устроиться на работу.

Два месяца я был там без постоянной работы, временами сделно делал переводы с китайского на русский распоряжений, уведомлений и объявлений местных властей для газеты "Азия", издававшейся "Антикоммунистическим комитетом" (далее: АК. — *И. Ц.*) в Циндао на русском языке, а также делал различные переводы для частных лиц.

В это время я получил письменный приказ от АК явиться для оформления документов и приготовления к отправке в Восточно-Азиатский институт (далее: В. И. — *И. Ц.*) в г. Тяньцзинь.

В то время как работа Шанхайского эмигрантского комитета фактически ограничивалась выдачей паспортов, виз, справок и сборов взносов, в Циндао — как я увидел — и вообще в Северном Китае — как я узнал позднее — дело было поставлено совершенно иначе.

С оккупацией японскими войсками городов Северного Китая Эмигрантские комитеты были переименованы в "Антикоммунистические комитеты" с "Центральным Антикоммунистическим комитетом" в г. Тяньцзине. Эмигрантов принудительным порядком заставляли посещать собрания, на которых велась антисоветская пропаганда. Из эмигрантов принудительным порядком были сформированы так называемые "волонтерские" части, где эмигрантам вменялось в обязанность в выходной день недели являться на воинские занятия. Лица, уклонявшиеся от выполнения приказов АК, преследовали и репрессировали. Без разрешения АК никто не мог ни поселиться на жительство, ни выехать из города. Почти невозможно было устроиться на работу без характеристики от АК. Все документы, как то: паспорта, визы на выезд из города и другие, а также продкарточки эмигрант мог получить только через АК. Каждый эмигрант обязан был зарегистрироваться в АК и уплатить взнос, который назывался членским, и лишь тогда ему выдавались документы и продкарточки. Таким образом, эмигрант волей-неволей делался членом АК.

Восточно-Азиатский институт был основан в г. Тяньцзинь Центральным АК для подготовки штата офицеров-переводчиков с японского языка. В 1943 г. был объявлен четвертый набор по Северному Китаю. В отличие от трех предыдущих, четвертый набор рекламировался как исключительно добровольный. Однако Циндаоский АК, зная из опыта прошлых лет, что добровольцы поступить в этот институт вряд ли найдутся (тем более из молодежи, заслуживающей некоторого внимания), не пожелал "удариться лицом в грязь" перед Центральным АК и направил в Институт всех выпускников гимназии того года, а также меня и несколько других молодых людей, не интересуясь нашим согласием. Правда, среди нас были один-два человека, добровольно пожелавших поехать в Тяньцзинь. Я начал с того, что попробовал уклониться, но мне ясно дали понять, что из этого ничего не выйдет и кончится тем же, но лишь с крупными неприятностями для меня, а подобные прецеденты с другими мне были известны. Как оказалось, мною заинтересовались как человеком порядочного поведения, сравнительно неплохого умственного развития и знающего китайский и английский языки. На первые два обстоятельства АК стал обращать особое внимание в целях поднятия престижа Института, выпускников которого АК обычно привлекал к работе.

К тому времени, окунувшись в жизнь, я познал на личном опыте порочность капиталистической системы. Оттесняемые на задний план повседневной борьбой за хлеб, за работу, одна за другой рушились мои иллюзии о высшем образовании. К тому времени я хорошо знал, что такое расовая дискриминация и наблюдал ее безобразные проявления ежедневно, если и не ежедневно подвергался ей непосредственно, хотя она потенциально распространялась на русских эмигрантов прежде всего и всегда. Очень часто устремляя свой взор вдаль, в будущее, я не видел впереди ни одной светлой точки, видел лишь свои бесплодные усилия вырваться из этого мрака. Пути не было видно. Но почему мое будущее сковывал мрак, полный враждебных, по неведомым мне тогда причинам, сил? В ответ передо мной всегда возникал образ родной страны, из которой я был увезен ребенком, образ во всей своей суровой и очаровательной прелести и привлекательной простоте. В бесконечном мраке этот образ светился вдали теплым, неугасающим огоньком, оттеняя мрачность дали, от него уходящей, и холод всего, им не согретого. И я стал к нему приближаться, влекомый больше чувствами, нежели сознанием. Я спотыкался и падал, но поднимался и продолжал двигаться вперед. По мере продвижения я начал понемногу различать окружавшее меня и (все больше и больше) убеждаться в том, что я взял верное направление, что оно выведет меня из мрака

лабиринта и что там, за этим огоньком, после поворота, я увижу яркий солнечный день и просторный путь.

Все испытанное мною в жизни заставило меня сочувствовать коммунистической идее построения общества, и чем шире и глубже я познавал окружающую меня жизнь, тем более возрастали мои симпатии к этой идее, переходя в искреннее убеждение.

Война СССР против фашистской Германии, как известно, подняла патриотические чувства в сердцах русских эмигрантов на небывалую высоту, и я не был тем редким исключением, о которых я не говорю.

Приказ подготовиться к отправке в ВИ был для меня сверхнежелателен уже тем, что я только что вырвался из обстановки угнетающей военщины, почувствовал себя свободным, избавленным от многих дикостей, грубостей и несправедливостей, выпадавших особенно обильно на всякого рядового — не говоря уже о том, что цели Института и возможная по окончании его работа в АК шли вразрез с моими убеждениями. Однако противиться АК я тогда не осмелился. Я решил оттянуть время, оттянуть неприятности, раз уж они неизбежны, и, выиграв время, приобрести к тому же знание японского языка и военного дела. Будучи воспитанником китайской школы до двенадцатилетнего возраста и живым свидетелем захватнических войн, а также фанатического шовинизма японских милитаристов, я в них видел своих врагов, и изучать язык врага при таких обстоятельствах я считал не лишним. В связи же с тем, что АК давал заверения, что никто из окончивших Институт впредь не будет назначаться на работу против его воли, я твердо решил, что работать против своих убеждений не буду.

По окончании Института, летом 1944 г., я уехал из г. Тяньцзиня, отказавшись от работы в Центральном АК, который намеревался оставить у себя двух лучших по успеваемости как по общим предметам, так и по японскому языку курсантов. По прибытии в г. Циндао АК назначил меня работать переводчиком при Комитете и дал десять дней на устройство. Отказаться сразу я не мог, так как меня немедленно отправили бы обратно в Центральный АК в г. Тяньцзинь, который опустил меня, рассчитывая, что я буду работать в АК в Циндао. Проработав месяц с небольшим в АК и улучив момент, я категорически отказался от работы в дальнейшем. Угрозами и уговорами мне приказывали приступить к работе в местной полиции, затем, спустя некоторое время, пытались направить на работу в японскую жандармерию, но на все это я отвечал отказом и не являлся в назначенные учреждения. Я устроился работать сторожем на завод, но даже с этой и других подобных работ меня увольняли по приказу японских властей, которые совместно с АК направляли относительно меня запрос в

Центральный АК и в ожидании ответа лишь препятствовали мне устроиться на работу. В тот исключительно тяжелый для меня период я кое-как перебивался мелким ремонтом велосипедов.

Наконец, летом 1945 г. я был арестован японской жандармерией и заключен в полицейскую тюрьму как неблагонадежный, с коммунистической ориентацией элемент². В конце августа 1945 г. я был освобожден на поруки по болезни.

В 1946 г., согласно указу Президиума Верховного Совета СССР, я принял советское гражданство³, а в 1947 г., также согласно указу Президиума Верховного Совета, я вернулся в Советский Союз в качестве репатрианта.

Для меня это было событием огромной важности. Это означало обрести родину и внести свою долю в строительство ее новой прекрасной жизни будущего, как полноправный гражданин равноправного общества; это означало получить широчайшие возможности учиться, специализироваться в определенной области и без страха взирать на грядущий день, в котором угроза потери работы отошла в область преданий.

Всю глубину и искренность переживавшихся мною тогда чувств может понять лишь обстоятельствами изгнанный из родного края человек, познавший после долголетних скитаний грустное и угнетающее одиночество среди чужой и зачастую враждебной толпы, шемпящую сердце тоску по родному дому, дорогим сердцу лицам, милому и ласкающему слух, как детский лепет, родному говору, человек, которому вдруг представляется возможность вернуться в родной край, в родную семью полноправным ее членом.

Эти чувства, общие у всех эмигрантов-возвращенцев, были проникнуты у меня еще убеждением, которое сложилось в результате жизненных испытаний и неумолимой логики мысли, что именно моя родина идет прямым и кратчайшим путем к счастью человечества, что мой собственный жизненный путь пойдет параллельно ему и, преодолев

² О своих мытарствах в связи с неустроенностью в тот период и преследовании его местной полицией В. А. Вельгус пишет также в "Жалобе Генеральному прокурору СССР" с просьбой о пересмотре его дела (8 июня 1955 г.): "Я отказался от предлагаемых мне мест в военных и полицейских учреждениях, за что подвергался репрессиям с лета 1944 г., наконец был арестован и посажен в тюрьму как "опасный элемент" с коммунистическими воззрениями и просоветской ориентацией."

³ Имеется в виду Указ от 20 января 1946 г. Указ этот распространяет действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 ноября 1945 г., касающегося предоставления гражданства СССР для определенного контингента русских эмигрантов, проживающих на территории Маньчжурии, на лиц, проживающих в провинции Сяньцзян и городах Шанхае и Тяньцзине. Согласно этому Указу, срок приема заявления о восстановлении в гражданстве СССР был определен до 1-го апреля 1946 г. Затем Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 апреля — для лиц, проживающих в городах Шанхае и Тяньцзине, срок был продлен до 1-го июля 1946 г.

препятствия, сольется с этим великим, освещенным яркими лучами путем, светлая цель которого ясно видна впереди.

Выезжая в Советский Союз, я был уверен в том, что не совершив никакого преступления ни против советской власти, ни против коммунистического движения вообще, я не буду подвергаться беспощадному преследованию в СССР. То же, что я как эмигрант, находясь в особых условиях и в исключительном положении, вынужден был формально и против собственной воли числиться в организациях антикоммунистического характера, я полагал, будет учтено законом, который обычно рассматривает даже совершенные преступления с точки зрения умышленности или случайности и учитывает, совершены ли они под давлением, угрозой или же под аффектом. Помимо всего этого, Указы Президиума Верховного Совета, о которых я уже упоминал, ясно говорили о том, что если бы даже в прошлом за мною и числились незначительные проступки, то они прощаются Советским правительством.

Однако я был ошеломлен приговором, осудившим меня на двадцать пять лет исправительных трудовых лагерей.

Читая статьи в нашей прессе об охране прав советских граждан и о соблюдении социалистической законности, я решил попытаться изложить свое дело перед Вами.

Указ Президиума Совета СССР, изданный в начале 1946 года и касающийся эмигрантов, проживавших в Китае, гласил, что, учтя общие чаяния русских эмигрантов, Советское правительство решило предоставить таковым возможность принять советское гражданство.

Советские правительственные представители по приему эмигрантов в гражданство СССР тщательно разбирались в биографии каждого, подавшего заявление, совместно с местными общественными представителями, давнишними гражданами СССР, и потому мысль (если даже допустить возможность ее возникновения), что я получил советское гражданство случайно или по недоразумению, отпадает. Отпадает потому, что я не был ни военным преступником, ни коллаборационистом, и вся история моей учебы в ВИ, моего отказа от работы с японскими властями, марионеточными китайскими властями и АК, а также история преследования меня и моего ареста были прекрасно известны общественности г. Циндао, а мои взгляды и убеждения знали многие общественные представители, с которыми я работал впоследствии как технический секретарь и переводчик Общества граждан СССР в г. Циндао.

Указ, изданный весной 1947 г., гласил, что бывшим эмигрантам, принявшим гражданство СССР, учитывая их ходатайство и настроения, Советское правительство решило предоставить возможность

возвратиться на родину и включиться в трудовую и повседневную жизнь, невзирая на прошлую деятельность, на равных со всеми гражданами Советского Союза правах; что правительство предоставляет льготные таможенные условия и бесплатный транспорт; что вернувшимся обеспечивается работа по специальности.

Правительственные представители, ведавшие репатриацией, опять-таки тщательно проверяли биографию каждого, изъявившего желание вернуться на родину, и я знаю, что далеко не все были удовлетворены ввиду существовавшего лимита. Это говорит о том, что я приехал в Союз не по чьей-либо ошлошности, тем более, что совместно с этими советскими представителями я неоднократно ездил в качестве переводчика согласовывать различные вопросы как по репатриации, так и по другим делам граждан СССР и Общества граждан СССР с местными китайскими властями в г. Циндао и в г. Тяньцзинь, и эти представители знали меня лично.

По окончании же войны и тем более после принятия гражданства СССР я ни в каких антисоветских организациях не состоял даже формально.

После выхода из тюрьмы на излечение в августе 1945 г., о чем я упоминал ранее, в сентябре того же года мне предложили работу переводчика-секретаря в строительной конторе "Юнайтед Аркитектс", которую возглавляли архитектор Юрьев, Владимир Георгиевич, архитектор Кряжимский, Виктор Федорович, и Юрьев, Алексей Георгиевич. Последние являлись эмигрантами, принявшими впоследствии советское гражданство. Юрьев же Владимир Георгиевич, будучи эмигрантом, принял французское гражданство в 1941-1942 гг. во избежание притеснений со стороны АК, как лицо, не желавшее принимать никакого участия в его деятельности. Все трое хорошо знали меня и мои злоключения, в связи с чем и предложили мне работу сами.

Будучи почетным секретарем французского консульства, Юрьев Вл. Г. всегда обращался ко мне за переводами входящей корреспонденции на китайском языке, а также исходящей корреспонденции к китайским властям, к которым необходимо было прилагать китайский перевод. Естественно, уклоняться от переводов я не мог, так как времени справляться с работой мне хватало вполне, и таким образом я стал числиться почетным переводчиком французского консульства, почетным, то есть не получая зарплаты. Я не видел причины, по которой я должен был бы отказаться, тем более, что это давало мне некоторые материальные выгоды в виде, например, определенного количества топлива, которое я мог ежемесячно получать через консульство от местных китайских властей по государственной цене, положение с которым было бедственным в г. Циндао в продолжение всего послевоен-

ного периода. Никакой другой работы для консульства я не выполнял. В этой строительной Конторе я проработал до самого моего отъезда в Советский Союз, числясь переводчиком французского консульства, а также переводчиком Общества граждан СССР в г. Циндао.

Совершенно очевидно после всего изложенного, что нет оснований подозревать и обвинять меня в каких-либо преступлениях или преступных намерениях против СССР, а в особенности в послевоенный период моей жизни, и потому вполне понятно, что обвинение в шпионской деятельности отпало во время следствия как несостоятельное.

Но именно это обстоятельство заставляет прийти к выводу, что мое заключение в лагере является недоразумением, вытекающим из того, что упомянутые указы Верховного Совета, касающиеся лишь репатриантов, бывших эмигрантов, неверно понимались некоторыми правительственными органами, вследствие чего я и был осужден за свою прошлую деятельность, которая сводится к тому, что я против своей воли числился в АК и против своей воли учился в ВИ, и которая мне уже прощена Советским правительством.

В связи с тем, что мое дело имеет непосредственное отношение к Верховному Совету СССР, прошу Вас ликвидировать случившееся со мной недоразумение, для чего ходатайствовать перед Верховным Советом о моем помиловании.

27 июня 1953 г.
г. Джезказган

з/к В. Вельгус

К истории "Прощения о помиловании" В. А. Вельгуса и некоторые сведения из биографии В. А. Вельгуса

"Прощение о помиловании" написано В. А. Вельгусом в заключении в 1953 году. Этот документ — свидетельство человека, который к своим тридцати трем годам дважды испытал ужасы тюремного заключения. Первый раз в Китае, на чужбине, за то, что он "опасно красный", второй — у себя на родине за то, что он "опасно белый". С той лишь разницей, что в Китае на его долю выпало два месяца тюрьмы, а в России в общей сложности шестьдесят восемь месяцев тюремного заключения и лагеря, — и это в стране, куда его неудержимо влекло как в страну равенства, справедливости и свободы.

В 1990 г. в журнале "Проблемы Дальнего Востока" (№№ 4 и 5) публиковались "Воспоминания о Викторе Вельгусе" — востоковеде широкого профиля, авторе многих трудов по истории, культуре и литературе средневекового Китая. Виктора Андреевича Вельгуса (1922-1980) не миновала горькая участь многих наших востоковедов, подвергавшихся жестоким политическим репрессиям в печальной памяти 30-х-40-х годах. Весной 1949 г. он был арестован и осужден на двадцать пять лет.

В 1992 г., примерно через два года после публикации упомянутых "Воспоминаний", появилась возможность ознакомиться со следственным делом В. А. Вельгуса, хранящимся ныне в архиве Агентства Управления Федеральной Безопасности РСФСР по Санкт-Петербургу под номером П-15062⁴. В процессе чтения Дела нас прежде всего интересовали документы как таковые (официальные бумаги следственных органов и Прокуратуры), а также бумаги, написанные собственноручно В. А. Вельгусом. К последним относятся: Автобиография, две его просьбы о пересмотре дела, адресованные Генеральному Прокурору СССР, и "Прошение о помиловании", направленное Председателю Президиума Верховного Совета СССР.

Особый интерес для нас представляло "Прошение о помиловании". В нем, как читатель мог убедиться, страница за страницей разворачивалась картина жизни русских эмигрантов, оказавшихся в 30-е—40-е годы в городах Северного Китая, оккупированных японцами. Из него мы узнаем, как складывалась судьба этих людей, каковы были их думы и чаяния. В "Прошении" содержатся также уникальные свидетельства очевидца о некоторых военных формированиях и органах муниципальной власти тех лет на указанной территории: кем, где и когда они были созданы, как и когда назывались, какие задачи ставили, какие функции в разное время выполняли.

Рассматривая "Прошение" как документ исторического плана, мы посчитали правильным опубликовать его текст полностью, без каких бы то ни было купюр. Чтобы само "Прошение" воспринималось читателем как реакция на известное ему дело, логически увязывалось с ходом самого дела, предлагаем краткую его историю, основанную исключительно на материале архивно-следственного дела.

1. Арест и предварительное заключение

В. А. Вельгус был арестован 28 апреля 1949 г.⁵ С этого дня вплоть до окончания следствия и вынесения обвинительного приговора 4 февраля 1950 г. В. А. Вельгус содержался под стражей во Внутренней тюрьме УМГБ ЛО (Ленинград).

2. Следствие

Следствие велось с 28 апреля по 25 октября 1949 г. За это время В. А. Вельгуса допрашивали 26 раз. В качестве свидетелей по делу привлекались Х. В. Попов, бывший преподаватель Восточно-Азиатского института в городе Тяньцзинь, и бывшие курсанты названного Института М. С. Вахрамов, В. Ф. Соловьев и Г. А. Мякутин. Дело Вельгуса имеет более 200 страниц, из них 64 страницы занимают допросы Мякутина, к тому времени уже осужденного и отбывавшего срок в одном из ИТЛ Союза. Три других свидетеля находились в заключении под следствием.

В процессе следствия Виктору Андреевичу предъявлялись следующие сфабрикованные против него обвинения:

"Проживая в Китае и будучи враждебно настроенным к Советской власти, на протяжении ряда лет принимал деятельное участие в работе белоэмигрантских анти-советских организаций";

"Являясь активным членом организации "Антикоммунистический комитет", Вельгус неоднократно публиковал в белоэмигрантской печати свои статьи с призывами к борьбе с Советским Союзом";

"Шпионская деятельность для японской разведки в Шанхае, Тянь-цзине, Циндао";

"Приняв в 1946 г. советское гражданство, в 1947 г. по заданию иностранных разведывательных органов прибывает в Советский Союз";

"В Ленинграде Вельгус приобрел подозрительные по шпионажу связи, а также проявляет интерес к техническим вопросам, не имеющим отношения к его служебным обязанностям".

По существовавшему тогда положению, на проведение следствия давалось два месяца. 24 июня 1949 г. на имя Военного прокурора войск МВД Ленинградского округа от начальника следственного отдела поступило прошение о продлении срока следствия

на месяц. 19 июля, 22 августа и 20 сентября следуют три аналогичных ходатайства, каждое из которых почти дословно повторяет текст предыдущего. Приведу мотивировку первого ходатайства в его заключительной части: "<...> Изобличается в антисоветской деятельности показаниями арестованного агента японской разведки Мякутина Г. А. и бывших участников белоэмигрантских организаций в Китае, арестованных Соловьева В. Ф. и Попова Х. В. <...> Учитывая серьезность данного дела и в целях всестороннего и полного расследования шпионской и другой антисоветской деятельности обвиняемого Вельгуса В. А., по делу необходимо провести ряд дополнительных следственных мероприятий". Справедливости ради следует заметить, что в последнем ходатайстве о продлении срока следствия "шпионская деятельность" уже не фигурирует, зато появляется обвинение в "связях с американцами".

28 октября В. А. Вельгусу предъявляют "Протокол объявления об окончании следствия" и дают возможность ознакомиться с материалами дела. В течение двух часов и 15 минут Виктор Андреевич читает дело и следующим образом подписывает Протокол: "Ознакомился полностью с материалами следствия. Дополнить ничем не могу. Виновным себя признаю в разрезе данных мною показаний. Заявлений, ходатайств и жалоб не имею".

Далее следственные органы направляют на согласование с прокурором "Обвинительное заключение", в котором, ссылаясь на ст. 208 УПК РСФСР, определяют для В. А. Вельгуса обвинение по двум статьям УК РСФСР: 58-1а и 58-4⁶.

3. Приговор.

Из "Заключения Военного прокурора В/МВД Ленинградского округа, полковника юстиции Логачева" от 17 ноября 1949 г.:

"...На следствии Вельгус признал себя виновным в том, что он в 1939 г. состоял в английском добровольном корпусе, затем перешел на службу к японцам, служил во вспомогательной полиции, состоял в "Антикоммунистическом комитете", учился в Восточно-Азиатском институте, работал в "Антикоммунистическом комитете" в Циндао. Был связан с официальным сотрудником японской военной миссии в г. Тяньцзинь Мочидзуки и неоднократно использовался им в качестве переводчика. Связь с иностранными разведорганами, публикацию своих антисоветских статей в белоэмигрантских газетах и участие в подавлении забастовок шанхайских рабочих отрицает".

"Изобличается показаниями арестованного агента японской и американской разведки Мякутина, арестованных Соловьева, Попова и свидетеля Вахрамова".

"Предъявленное следственными органами обвинение по ст. "58-1а" УК РСФСР подлежит исключению, так как в момент преступления он не являлся гражданином СССР".

"Учитывая, что основные свидетели по делу Вельгуса: Мякутин, осужден и отбывает наказание, а Соловьев и Попов арестованы другими органами МГБ и вызов их в судебное заседание затруднен,

Полагал бы

"Дело по обвинению Вельгуса В. А. по ст. 58-4 УК РСФСР" направить на рассмотрение Особого Совещания при МГБ СССР, определив Вельгусу меру наказания 10 лет ИТЛ".

И, наконец, последнее: Приговор Особого Совещания при МГБ СССР от 4 февраля 1950 г.

⁶ Позволим себе привести формулировку обеих статей.

Статья 58-1а гласит: "Измена родине, т. е. действия, совершенные гражданами Союза ССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как-то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу". (цит. по: Уголовный кодекс РСФСР. М., 1953, с. 17).

Статья 58-4 формулируется: "Оказание каким бы то ни было способом помощи той части международной буржуазии, которая, не признавая равноправия коммунистической системы, приходящей на смену капиталистической системе, стремится к ее свержению, а равно находящимся под влиянием или непосредственно организованным этой буржуазией общественным группам и организациям, в осуществлении враждебной против Союза ССР деятельности" (там же, с. 18).

⁴ За время хранения номер дела неоднократно изменялся.

⁵ Обстоятельства, связанные с арестом В. А. Вельгуса, кратко изложены в "Воспоминаниях о Викторе Вельгусе" ("Проблемы Дальнего Востока". 1990, N 4, с. 125).

В его обвинительной части:

"<...> Находясь в Китае, состоял в белоэмигрантских и других антисоветских организациях, руководивших иностранными разведорганами, и на протяжении ряда лет вел борьбу против СССР и рабочего движения в Китае".

Постановляющая часть Протокола гласит:

"Вельгуса Виктора Андреевича за участие в антисоветских организациях и антисоветскую деятельность заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на двадцать пять лет, считая обвин. по ст. 58-4 УК РСФСР с 28 апреля 1949 г".

В деле имеется "Наряд", в соответствии с которым Виктор Андреевич направляется в Степной лагерь N 4 МВД, поселок Джезказган (Казахстан).

27 декабря 1955 г. постановление Особого Совещания в отношении В. А. Вельгуса было отменено, дело в уголовном порядке прекращено за отсутствием состава преступления. 26 февраля 1956 г. Виктор Андреевич возвратился в Ленинград.

В "Прошении о помиловании" достаточно подробно рассказано о перипетиях в жизни В. А. Вельгуса в Китае в последние годы перед репатриацией.

В связи с данной публикацией считаем необходимым хотя бы в самых общих чертах рассказать о Викторе Вельгусе, о том как сложилась его судьба⁷, сообщить мало кому известные факты его биографии.

Многие из тех, кому доводилось быть даже хорошо знакомым с Виктором Андреевичем, толком ничего не знают о его происхождении. Знают, как правило, что он приехал из Китая, но почему там оказался и сколько там прожил, не имеют понятия. Ответ на это мы находим в "Автобиографии" В. А. Вельгуса, содержащейся, как уже было упомянуто, в его следственном деле. Виктор Андреевич пишет:

"Родился 5 сентября 1922 г. Отец умер в 1922 г., а мать — в 1924 г. По слухам знаю, что отец Чжоу (китаец по национальности. — И. Ц.) жил в Москве, где я родился и был крещен. <...> Меня взяли на воспитание (и очевидно усыновили. — И. Ц.) китаец У Чжэн-дун и (его жена. — И. Ц.) Т. А. Вельгус. Из Москвы был увезен во Владивосток в 1927 г., а в 1929 г. — в Китай". В Китае Виктор Андреевич оказался с семи лет и прожил там до своего совершеннолетия. Сначала он жил в деревне в провинции Шаньдун, на родине приемного отца, затем с родителями переехал в Шанхай, затем уже сам жил в городах Циндао и Тяньцзинь, где работал и учился в китайских, русских и японских учебных заведениях. В 1946 г. он как совершеннолетний впервые получает паспорт, принимая советское гражданство, и сразу же начинает оформлять документы для репатриации. В конце 1947 г. он покидает Китай и возвращается на родину.

Далее. Следует пояснить, каким образом Виктор Вельгус, у которого в Ленинграде не было ни родственников, ни друзей, оказался в Ленинграде и чуть ли не сразу после приезда стал преподавателем китайского языка в Ленинградском университете. Об этом подробно сообщается в "Автобиографии". Поскольку сообщение это напрямую связано с историей кафедры китайской филологии восточного факультета Университета и с деятельностью возглавлявшего тогда эту кафедру академика Василия Михайловича Алексеева, привожу это сообщение полностью:

"В г. Циндао в январе 1947 г. в журн. "Эпоха", издававшемся ТАСС в Шанхае, я прочел заметку одного корреспондента о том, что в Ленинграде под руководством академика В. М. Алексеева ведется работа над "Китайско-русским словарем" и что макет словаря будет высылаться. Поскольку я работал переводчиком с китайского, я был очень заинтересован в получении этого словаря. В феврале я написал письмо ак. Алексееву с просьбой выслать мне словарь, а также поинтересовался в этом письме, не смог бы ли я найти в Ленинграде работу по специальности. Ответ от ак. Алексеева я получил в мае 1947 г. Алексеев сообщал, что если я смогу получить визу в Ленинград, то смогу там учиться и преподавать. Одновременно Алексеев сказал мне, что мое письмо было зачитано на кафедре. Алексеев писал, что с жильем в Ленинграде трудно, чтобы я это учел. Если я буду согласен приехать, — писал академик, — то тогда кафедра будет хлопотать, чтобы от имени Университета сделать мне официальное предложение приехать в

⁷ Подробнее об этом см.: "Воспоминания о Викторе Вельгусе" — "Проблемы Дальнего Востока". 1990, № 4 и 5.

Ленинград. Я ответил, что согласен приехать, что в Тяньцзинь подал заявление и документы на оформление визы, что визу обещали выдать летом 1947 г. Кроме того писал, что раз с жильем плохо, то выезжать буду без семьи (к тому времени Виктор Андреевич был женат и имел годовалую дочь. — И. Ц.). Алексеев ответил на это письмо — сообщил, что о моем приезде поставлен в известность декан и ректор; Алексеев просил меня захватить с собой из Китая справочники и словари. Я ответил, что в августе 47 г. собираюсь выехать. На этом моя переписка с Алексеевым из Китая закончилась. В ноябре 1947 г. я получил визу и отправился пароходом в Союз через Находку. Нам было названо тринадцать областей, где нам были подготовлены жилье и работа, и так как Ленинграда и его области там не было, я выбрал г. Молотов (ныне: Пермь. — И. Ц.).

"Из Молотова я написал Алексееву, прося его ускорить вызов в Ленинград. Из Ленинграда в ответ пришло письмо Алексеева и две телеграммы, где сообщалось, что вызов задерживается, так как ректор Университета Вознесенский в отъезде".

"В феврале 1948 г., когда у меня была обнаружена язва желудка, я по болезни взял расчет с химзавода, где работал, и выехал в Ленинград, уведомив об этом телеграммой Алексеева".

А в марте 1948 г. В. А. Вельгус был представлен академиком В. М. Алексеевым на заседании кафедры как новый штатный сотрудник.

Итак, до ареста Виктор Андреевич провел в Ленинграде на свободе всего лишь один год. Но какой! Радужные планы, с которыми он возвращался на родину, осуществлялись со сказочной быстротой. Мог ли Виктор Андреевич предполагать, что сразу станет преподавателем Университета; экстерном будет зачислен на первый курс китайского отделения Восточного факультета (редчайший случай в истории Восточного факультета!); сможет слушать университетские курсы и получать общее гуманитарное образование; окажется в окружении молодых друзей, всегда готовых ему помочь и сориентироваться в новой, незнакомой ему обстановке. Но главное, что доставляло Виктору Андреевичу огромную радость, окрыляло его в работе и учебе, позволяло легче переносить неустроенность быта, — это возможность быть рядом с его учителем и наставником Василием Михайловичем Алексеевым. Встречи и беседы с ним были в ту пору для Виктора Вельгуса вторым (если не первым!) университетом. Отношение академика к Вельгусу тоже было особым. При том исключительном значении, которое В. М. Алексеев придавал обучению молодежи, подготовке, как он говорил, "кадров для кадров", он не мог не оценить незаурядных китаеведческих знаний и способностей Виктора Вельгуса, которые тот обнаруживал в частных и длительных научных беседах с ним. Искренне надеясь на большое научное будущее молодого китаиста, академик щедро делился с ним своими знаниями и опытом, помогал ему всем, чем мог. "Замечательный китаист," — так обычно говорил В. М. Алексеев о Викторе Вельгусе, так писал в дарственных надписях на своих трудах, которые презентовал Вельгусу в апреле 1948 г.: "Молодому и уже замечательному китаисту Виктору Андреевичу Вельгусу" или "Молодому товарищу-китаисту Виктору Андреевичу Вельгусу, идущему верными шагами к совершенству". Для Виктора Вельгуса в ту пору не было более близкого человека, не было большего авторитета, чем В. М. Алексеев. В одном из лагерных писем, посвященных памяти своего учителя, Виктор Вельгус так охарактеризовал отношение к нему академика Алексеева: "<...> Если бы не разница в возрасте, в положении и не подавляющее превосходство его учености, культуры, жизненного опыта, я бы назвал эти отношения большой заботливой дружбой⁸."

Семь лет заключения, выпавшие на долю Виктора Вельгуса, не парализовали его воли, не отняли у него стремления учиться и работать в давно избранной специальности.

Но теперь все доставалось с невероятным трудом; все было не то и складывалось не так. Не было уже в живых академика В. М. Алексеева, любовь к которому Виктор Вельгус пронес через всю свою жизнь; здоровье было подорвано, надо было восстанавливать силы; основной проблемой становился поиск средств к существованию. Лишь через четыре года после возвращения из лагеря вопрос с работой был в конце концов разрешен: в 1969 г. Виктор Андреевич был зачислен в штат Ленинградского от-

⁸ В. А. Вельгус — И. Э. Циперович. — 6 февраля 1955 г.

деления Института этнографии АН СССР, где на протяжении восемнадцати лет, вплоть до ухода на пенсию, работал по своей основной китаеведческой специальности сначала в секторе Африки, а затем в секторе Зарубежного Востока.

Одаренный незаурядными способностями, Виктор Андреевич ценой невероятных усилий, упорного и в высшей степени организованного труда за оставшиеся после лагеря двадцать пять лет жизни достиг казалось бы невероятного: экстерном закончил четыре курса Университета и получил наконец высшее образование; написал и защитил кандидатскую диссертацию по истории китайского мореходства ранне XI века — работу, которую многие ученые сочли достойной докторской степени; опубликовал монографию "Известия о странах и народах Африки и морские связи в бассейнах Тихого и Индийского океанов: Китайские источники ранне XI в." (М., 1978. 302 с.); не говоря уже о целой серии научных статей и переводов китайской художественной литературы⁹. Таким образом Виктор Андреевич Вельгус занял достойное место в истории нашей науки, оправдав высокую оценку "замечательного китаиста", данную ему в свое время академиком В. М. Алексеевым.

И. Э. Циперович

⁹ В списке трудов В. А. Вельгуса 61 название: 38 исследований и 23 перевода произведений средневековой и современной китайской художественной прозы. Посмертно вышел сборник статей В. А. Вельгуса (В. А. Вельгус. Средневековый Китай. Исследования и материалы по истории, внешним связям, литературе. М., 1987. 203 с.), составленный из его рукописного наследия.